

ПИСЬМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА К Н. А. УМАНОВУ (1888–1889)

1

30 октября; 88; *Опт<ина> П<устынь>*¹

Очень был я рад Вашему письму, милый мой Н<иколай> А<лексееви>ч! Очень хорошо Вы сделали, что вспомнили «Оптинского отшельника»!² Другой раз только не рвите письма; может быть, уничтоженные были еще лучше этого? — Зачем вы всё в каком-то *смятении*? — *Молитесь* Богу почаще, а сами не робейте и не смущайтесь, и будет легче жить на свете.

В том, что вы решаетесь поступить в Пензе на службу — беды никакой не вижу и вашего негодования на провинциальное общество *совсем не понимаю*³.

1 Ответ на письмо Уманова от 17 октября 1888 г. (предыдущее было от 10 июля). Свое молчание тот объяснял тем, что «много раз брал в руки перо, но... письма не выходили»: «Напишешь письмо, прочитаешь его и разорвешь, потому что вышло не то, что хотел написать» (ГЛМ).

2 С весны 1887 г. Леонтьев жил в Оптиной пустыни, нанимая дом, который прозвали «консульским». Ср. с названием цикла его статей в газете «Гражданин» (1887–1891): «Записки отшельника».

3 Уманов писал о Пензе: «Городишка отвратительный во всех отношениях. Ни единого до сих пор не знаю человека, с которым можно было бы поговорить по душе. Всюду лицемерие, лесть и зложелательство, ссоры и сплетни, сплетни без конца» (с. 595).

Губернские города я знаю и люблю гораздо больше чем столицы. — Почему это в Пензе только непременно так дурно — не понимаю! По-моему жизнь, напр<имер>, хоть бы в Калуге, например — гораздо занимательнее и приятнее, чем постоянное вращение в кругах редакторских, литературных и ученых. — Я с ранних лет на это последнее общество смотрел как на неизбежное зло, как на легкий источник справок и отчасти как на средство для целей практических. *Не понимаю!* — Смотрите — не предубеждение ли это? Надо *уметь* видеть и хорошее; отыскивать его вовсе не так трудно. — Много значит и то, каков *сам* человек в *обществе*. — Говорите сами о предметах *высших* и поверьте, что *многие отзовутся*. — Многие как-то стесняются сами начинать беседы о *высшем*; — я *везде* и во все года умел побуждать к этому других, и мне *нигде* не было скучно. — Поэзия есть более или менее *везде* в жизни; — а если мы не будем «*чуять*» ее в жизни, а всё в *книжках* искать — так это плохо!

Фудель действительно *на бумаге* гораздо выше, чем в беседе; — но и в беседе умен⁴. — Я еще недостаточно его знаю, чтобы решить, правы ли Вы, ставя его несравненно выше себя, Александрова и Денисова. — Не рано ли это решать? — Все вы имеете свое относительное достоинство. — Но у него то особенно хорошо, что *дух русский, а кровь немецкая*, солидная. — Пишет он смело, твердо, хорошо. — Либерализма остается в нем уже мало; а только та хорошая гуманность, с которой расставаться избави нас Боже!

Впрочем, на Денисова я (надолго, если не навсегда) утратил надежды. — Филология высушила его способности⁵. — У Александрова в личной жизни теперь такой перелом⁶, что трудно предвидеть, куда и как его судьба направит!... Вы понимаете, что я говорю о его невыгодной и по моему вкусу печальной женитьбе. — Он получил на нее *здесь благословение* Отца Амвросия; но духовная сторона дела хотя и самая важная, но ведь *грустного* житейского оттенка она ничуть не исключает.

Очень интересно мне, как это Вы докажете, что у Каткова была *теоретическая нить*...⁷ Он с 56 года до конца жизни только и делал, что «сжигал то, чему прежде поклонялся, и поклонялся тому, что сжигал!»⁸ Смотрите — не ошибитесь!.. Он этими-то... если не «изменами», то «изменениями» и всю славу себе *очень ловко* приобрел... Вл. Соловьев зовет его «опрометчивым защитником основ»... Я над этим словом «опрометчивый» до сих пор думаю; — и чувствую, что в нем кроется очень горькая правда; но какая именно — еще не постиг. — Знаю только, что когда дело касалось до его *личных интересов*, до авторитета *при разных условиях* — он *опрометчивым* — **не был**... Устроился! И так?... Не хочется договаривать...

О себе скажу, что здоровье мое гораздо лучше, чем в Москве; но ноги плохо ходят; и в морозы со-

всем уже выезжать не могу. — Вообще мне очень здесь хорошо и покойно. — Получил недавно письмо от Кристи из Кишинева; собирается опять заехать ко мне по пути в Москву⁹.

Посылаю Вам первые 5 глав моей последней статьи в «Гражданине»¹⁰; — как только получу экзemplы *остальных* 3-х глав, так тоже вышлю.

Теперь доканчиваю вторую статью — «Плоды национальных движений на Православном Востоке»¹¹. — Пришлю позднее и эти вырезки.

Ну прощайте; будьте здоровы, веселы, *набожны и тверды*... Помогите Вам Бог!

А сюда приехать хоть на недельку, разумеется, Вы бы могли и из Владыкина¹²; хоть по санному пути на Рождество, например. — Будете скромно ехать, так не Бог знает, что станет. — Прямо ко мне. — Милости просим...

Обнимаю Вас.
Ваш К. Леонтьев.

2

28 ноября; 88; Оптина Пустынь.¹³

Дорогой Ник<олай> Ал<ексеевич>, сегодня получил Ваше письмо из Москвы (шло оно через распутицу 5 дней) и сегодня же отвечаю.

1) Напрасно Вы считаете ваши объяснения на мою статью «соломенками». — Они *очень хороши*. — Даже и пример змей и ящериц **очень** хорош¹⁴. — Конечно, не ящерицы порождают змей

9 Кристи сообщил Леонтьеву 9 октября 1888 г., что заедет к нему для переговоров об издании статьи «Национальная политика...» отдельной брошюрой.

10 Имеется в виду статья «Национальная политика как орудие всемирной революции», напечатанная в «Гражданине» в сентябре — начале октября 1888 г.

11 Статья опубликована в «Гражданине» (1888. 3 нояб. — 1889. 14 февр.).

12 Имение, часть которого принадлежала матери Уманова.

13 Ответ на письмо от 23 ноября 1888 г., главным образом посвященное статье «Национальная политика...».

14 Уманов писал об «удивлении», в которое его повергла статья Леонтьева: «Вы сказали страшное слово, такое страшное, что у меня решительно недостает мужества согласиться с ним. Рассудком я согласен с Вами, да и как не согласиться, когда она так очевидна и правдоподобна! / Но вместе с тем она так ужасна, с нею так грустно, так невыносимо тяжело смириться, что невольно, инстинктивно как-то хочется усумниться в ней. <...> Поведаю Вам свои мысли, за которые я цепляюсь, как утопающий за соломку. Скажите мне, пожалуйста — вздорны они, ошибочны, неосновательны или нет. <...> Вы утверждаете, что Национальная политика <...> всюду приводила к смешению, к обезличению, к культурному бессилию наций. <...> Но как установить причинную связь между этими явлениями? т. е. между национальным движением и смешением? Нельзя ли предположить <...> что национальное движение не есть не причина, ни следствие осуществления эгалитарных идей и стоит вне всякой органической связи с последним? / Известно, напр<имер>, что во всех тех местах, где существуют ящерицы, есть и змеи <...>. Но можно ли из этого заключить, что причиной присутствия в данной местности змеи есть присутствие там ящерицы. <...> Это вот одна соломинка. — / Нельзя ли предположить еще и вот что: Все эгалитарные стремления антинациональны и враждебны принципу национальности не только по природе своей, по существу, но и по внешним своим проявлениям. <...> все социалисты и коммунисты непременно космополиты и враги, скажу пошлое слово, патриотов. Стасюлевичи, Ковалевские, Пытины и т. п. враги Аксаковых, Страхова, Данилевского. — Влад. Серг. Соловьев только тогда стал сочувствовать всеобщей полуграмотности (невидимо, скрыто сочувствовать) и «меньшей братии», когда совсем для других целей сделался космополитом. — / А раз только

4 Ср. у Уманова: «Получил я письмо от Фуделя. С восторгом описывает мне свое путешествие в Оптину и монастырскую жизнь. Завидую ему, завидую с досадой, что не удалось самому побывать там. / Какое впечатление он произвел на Вас? Если хорошее, то я буду несказанно рад: я его очень люблю. Сердце у него доброе и ум интересный. И мне, и Александрову, и Денисову далеко, далеко до него. Правда, он немного буржуазен и либерален в Аксаковском и Самаринском роде. (Не знаю, посмел ли он Вам отысповедоваться; наверно робел и больше молчал, чем говорил.)» (ГЛМ).

5 Я. А. Денисов писал магистерскую диссертацию по античной метрике.

6 Имеется в виду женитьба. 30 сентября Александров сообщил Леонтьеву: «Относительно своей частной жизни скажу Вам, что совершилось то, на что благословил о. Амвросий. Знаю, что будете сердиться на меня и бранить меня. Но что делать? Нужно быть последовательным и идти до конца. Бог даст, всё будет благополучно. На Него надеюсь и в Его святые руки отдаю судьбу свою» (ГЛМ).

7 Ответ на слова Уманова о цели задуманной им работы: «...доказать, что Катков не был только практиком-дельцом, что у него во всем одна руководящая идея, идея истинно русская и гораздо более справедливая, чем Аксаковская» (с. 597).

8 Реминисценция из романа Тургенева «Дворянское гнездо» (в основе лежит предание о наставлении, данном архиепископом Ремизием королю франков Хлодвигу I).

и не змеи ящериц; — но нарождаются они в одинаковых местах, потому что у них сходные вкусы и потребности. — Причина этому сожителству вне их, но *общая*. — Где есть умеренные либералы, есть и крайние нигилисты; где разводится много *просвещенных* негоциантов, нарождается и много юристов — особенно адвокатов — и т.д. ...

Разумеется так, *вкусов* национальных мало; *психические сочетания* не оригинальны; оттого и *политика* дает при всех перечисленных мною условиях *освобождения, объединения* и т.п. космополитические результаты. — Может быть, этот способ объяснения недостаточен для всей глубины и обширности вопроса, но это по крайней мере *прежде всего* приходит на мысль. — И *догадливость* Ваша делает Вам большую честь. — Заметки ваши мне даже так нравятся, что я советовал бы Вам немедленно напечатать у Шарапова *эти самые* замечания немножко разве поподробнее.

Ваш «ужас» меня чрезвычайно обрадовал! Я именно это чувство и хотел пробудить в читателях. — К несчастью — мне продолжают многие беспощадно мстить *молчанием* за мою самобытность — и я нахожу бесполезным притворством скрывать от Вас, что я иногда ужасно *устаю* и изнемогаю в долголетней и неравной борьбе с этим равнодушием и безмолвием русской печати. — Ни разу еще не встретил я серьезного, внимательного, строгого и справедливого разбора моих идей. — Все и похвалы даже, иногда очень лестные, *мимоходом* как-то! — А строгая серьезная критика самому автору во все года полезна.

Посылаю Вам вырезки последних 3-х статей «Национальная политика». — Вырезок 2-й статьи («Плоды национальных *движений* на Православном Востоке») не могу еще послать. — Пока у меня только 1 экз<емпляр> для себя. — Статья эта больше I-й; № -в на 20; и Мещерск<ий> вследствие обилия нужного ему матерьяла (должно быть) очень расставляет статьи. — Всего только 3 напечатаны (№ № 306, 311 и 315-й, есть 2-3 грубые опечатки¹⁵). — Когда получу из Петербурга

признать их враждебность и борьбу, то неминуемо придется признать и то, что торжество эгалитарных стремлений есть следствие слабости стремлений национальных. — Если бы последние были осмысленнее, жизненнее, страстнее, то победили бы они и эгалитаризм не торжествовал бы; в Греции не было бы Конституции, итальянец не снимал бы с себя своего живописного костюма и не ходил бы в пиджаке. <...> Они <греки. — О. Ф> были заражены пошлостью века сего и хотели быть слугами ее, но служить ей им не позволяли. Они были стеснены. — Отсюда стремление сбросить путы, добиваться самостоятельности. Они были националисты по принуждению судьбы. — Точно также как Вл. Серг. Соловьев космополит по принуждению. — Как от его космополитизма в конце-то концов нельзя ожидать ничего пошлого, так и от национализма грехов в эпоху его процветания нельзя, как это теперь стало ясно, было ожидать ничего национального. — / Вот моя другая соломинка. — Я цепляюсь, говорю, за них, как утопающий и к Вам <...> как к учителю своему доброму, обращаюсь с просьбой: скажите мне, вздорны мои мысли или нет?» (ГЛМ).

15 В последнем курсиве 3-ей статьи: 2 раза политическом и еще «плоты» вместо «люди» (прим. К.Н. Леонтьева)

лишние нумера, — вышлю их Вам во Владыкино.

Это не беда — что Вы будете жить в провинции. — Это даже очень хорошо. — Конечно, тому, кто хочет писать, необходимо не бросать совсем газеты (я их презираю, тоже «ящерицы» нашего времени: «обмен» космополитизма; — но что делать — нельзя сражаться издали саблями, когда стреляют из пушек). Заводите понемногу *хорошую* библиотеку: *не зря*. — Тот же Грингмут¹⁶ может быть Вам полезен; и я могу даже (*когда попросите*) список составить тому, что Вам годится.

За *поддѣвки* спасибо!¹⁷ Ура! Только долго ли вытерпите? И к тому же этого мало — *черная поддѣвка*. Надо стремиться к *большему* и *цветному*.

Судьба Александрова меня самого очень печалит¹⁸. — Но, *заметьте*, что он приезжал сюда *благословляться у Отца Амвросия* (Все успели побывать здесь, кроме Вас и Денисова!). — И От<ец> Амвросий благословил, Александров, видимо, сам сомневался и потому решился принять решение старца *как Волю Божию*. — Старцы же имеют в виду обыкновенно не счастье, а загробное *спасение* наше. — С житейской же стороны они стараются только не налагать на нас «бремена неудобноносимые»¹⁹. — Человеку, у которого он видел бы преобладание эстетики над моралью — он (От<ец> Амвр<осий>), вероятно, и не благословил бы; ибо ведь по *известным Вам обстоятельствам ее прошлого*²⁰ и по неимению детей — прямого долга жениться тут и со строго-христианской точки зрения не было. — Можно было *пресечь блуд с нею*, и если жить долго воздержно не можешь, то искать получше невесты.

Но видно От<ец> Амвросий быстро угадал то, что Вы, зная Александрова, про него говорите: «всё перетерпит»²¹ и ни на Бога ни на духовника не возропщет и *втайне*. — У него, хотя он и поэт, но мораль гораздо сильнее эстетики.

Впрочем — верно то, что она девка добрая и прямая. — Именно *девка*, а не девушка, и тем более не «девочка»! — *После венца она неожиданно при всех упала ему в ноги...*²² Это, как хотите, ее сердце рекомендует!

16 Владимир Андреевич Грингмут (1851–1907) – публицист, критик, политический деятель.

17 Уманов сообщал: «...Фудель, Александров ходят в поддѣвках, я тоже устыдился и заказал себе» (ГЛМ).

18 Ср.: «Александров-то, Александров-то! Божье! Что он сделал! <...> И чего нашел в своей Авдотье. Я бы не только в жены, но даже в кухарки-то ее никогда не взял, до того она отвратительна. Гермафродит какой-то поганый, да еще вечно босой и растерзанный, потливый, косматый, растерзанный. – Фу, что за мерзость! <...> Безумие, или не знающая меры честность это – не разберу» (ГЛМ).

19 Лк. 11: 42.

20 Свою будущую невесту Александров нашел, по слухам, в публичном доме.

21 Ср.: «Впрочем, Александров сумеет всё претерпеть!» (ГЛМ).

22 Об этом Леонтьеву писал Александров 10 ноября: «Когда мы возвратились из-под венца и по русскому обычаю приложились к иконам и хлебу с солью, с которыми нас встретили, она при всем народе в белом подвенечном наряде своем упала мне в ноги и этим лучше всяких слов и “рассуждений” сказала, как она понимает то, что я сделал для нее» (ГЛМ).

Ну, а относительно «изящества» — я с Вами совершенно согласен. — Что делать!

Еще раз повторяю — напрасно — Вы не *хотите* (не говорите — что не *можете*) — побывать в Оптиной. — Утешили бы... и сами бы не пожалели.

Не бойтесь признать фактическую истину того, что я пишу о национальной политике. — Этот ужас, который вы чувствуете, *прекрасное* чувство, и *всё было бы даже спасено*, если бы хоть 1/2 русских граждан знала бы хорошо мои эти мысли и, *ощущая* то же, что и Вы, изо всех сил стремилась бы к *противоположному*! (Но *кто* знает меня? Многие ли? Даже и *Вы все* «Гражд^анина» не видите!)

Подобно тому, как религиозность наша никак не должна ослабевать, при мысли о том, что *очень многие* нерелигиозны; (Вольно же им дуракам!), так и культурные идеалы наши должны жить в нас вопреки результатам политических движений. — Есть тут, конечно, разница значительная, ибо — *веровать* по-своему я могу *один* и даже втайне, если иначе нельзя; — а вопрос о народном своеобразии не может касаться меня *одного*; иначе это будет *мое* своеобразие, а не народное (вот как у Влад^амира Соловьева; если его учение не разрастется). — Но общее то в обеих сферах, что не надо *терять надежды* на распространение нашего идеала. — И лучше *пересаливать* его, чем — *недосаливать*! — Это и Данилевский говорил. — (Дерево криво растущее.)²³

Если Вы желаете — я Кристи напишу о Сборнике²⁴; он, вероятно, в Кишиневе; месяца 1 1/2 тому назад — он мне писал; — а с тех пор ни слова.

Фудель действительно молодец; человек смелый, твердый и с ясным умом. — Я недавно еще перечитал его книжку о молодежи²⁵. — Много там хорошего. — Надеяться только на «любовь» в русской общине не надо; нужно *проповедовать любовь*, ибо ее очень мало; но не надо ее

23 Имеются в виду слова из XV главы книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (Леонтьев напоминал о них и в статье «Епископ Никанор о вреде железных дорог...», 1885): «...многократно возобновляющаяся борьба с Европой <...> заставляет ценить и любить свое родное, исконно славянское. Если бы такое отношение к чуждому европейскому и своему славянскому и перешло даже должную меру справедливости, перешло в исключительность и патристический фанатизм, — то на время, и это было в высшей степени благотворительно и целебно после столь долговременного искривления нормальных отношений в противоположную сторону. Так, чтобы выпрямить дерево, которое долго гнул ветер в одну сторону, надо насильственно перегибать его в другую» (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 364).

24 Уманов сообщал о замысле «Московского сборника», о том, что друзья рассчитывают на финансовую помощь семьи Кристи и на то, что Иван Кристи станет редактором. 11 декабря он отвечал Леонтьеву: «Очень благодарю Вас за предложение написать Ив. Ив. Кристи о сборнике. Мы на него крепко надеемся» (ГЛМ).

25 Имеется в виду книга Фуделя «Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли» (М., 1888), подписанная криптонимом «Н. Н.». Ее основой стали статьи, печатавшиеся с 1886 г. в «Русском деле».

пророчить; — чтобы без пользы не разочароваться горько. — Это благородные бредни Аксакова, Достоевского, О. Миллера и т.д. *Особенно* этот «Мужик Марей», помните. — Очень это мило; но и очень *мало*. — Такая минута нашла!

Ваш К. Леонтьев.

3

27 августа; <18>89; *Опт<ина> Пустынь*²⁶

Уманов! Как это вам не стыдно, — вы, как женщина! — Второстепенные соображения для вас важнее главных. — Разве это можно перестать совсем писать ко мне — *оттого что совестно* — *долго не писали*! Мне так объяснил Александров причину вашего молчания²⁷. — Если чувствуете себя неправым — давно бы сказали *для формы* 2–3 слова извинения и кончено! — Я говорю «для формы», потому что сам я, как видите, вовсе на вас не обижаюсь за то; а только не могу не порицать строго вашей русской невыдержки. — Больше *одного года* не устояло в разлуке со мною ваше доброе, искреннее ко мне чувство! — Помните — голубчик, — что *некоторое тонкое понуждение воли* необходимо во всем, и в вере, и в любви, а не в одной работе или науке.

Нельзя делать всё только по влечению; с этим далеко в жизни не уйдешь. — Положим, что вы еще молоды; а Петр Евг^аньевич, который много старше вас, сделал со мной еще хуже: тот вовсе не ответил мне на мое первое отсюда письмо и *тоже укоряет* себя (как слышно); и тоже ни с места; — но из этого не следует, что вы оправданы дурным примером старшего. — «Возлюби ближнего твоего и *возненавидь* грехи его!»²⁸ Петр Евг^аньевич человек благородный, добрый, великодушный, способный на рыцарский поступок, — притом же ума из ряду вон выходящего; — но у него так же, как и у вас, «*психический ритм*»²⁹ слишком быстр; — надо это помнить и бороться противу этого. — *Выравнивать* немного душу свою; — признаюсь вам для пользы вашей, что я в ваши года сам был таков; но рано понял это и рано стал ненавидеть в себе эту неровность и годам к 30 много, очень много исправился. — Иначе посмотрите — какие выходят крайности: с *начала* нашей разлуки никто из товарищей Ваших *так часто и так много* мне не писал, как вы³⁰; — прошел *только год* — и я не существую уже для вас. —

26 Уманов не писал Леонтьеву с 28 декабря 1888 г., а на это письмо ответил 8 сентября 1889 г.

27 Уманов на это отвечал: «Александров сказал Вам правду. <...> я сильно тосковал и хандрил, так хандрил, что терял всякое самоблагодание и считал себя несчастнейшим человеком, оторванным от друзей, которых любил и от дела, которое интересовало, одним словом оторванным от Москвы. <...> письма совсем не писалось...» (ГЛМ).

28 Неточная цитата из 57-го Слова преп. Исаака Сирина.

29 Употребляемый в трудах П. Е. Астафьева термин.

30 Только в октябре-декабре 1887 г. Уманов послал Леонтьеву 10 писем.

ОПТИНА-ПУСТЫНЬ. Разливъ рѣки Жиздры

А Кристи, Фудель и Александров у меня не только были здесь все в течение 2-х лет *по два* раза; но и никогда не прекращают со мной переписку.

Я понял бы это, если б вы переменили вообще образ мыслей, или бы, сохраняя прежнее со мной единомыслие, лично бы за что-нибудь отступились бы от меня. — Всё это в порядке вещей; — но — зря!... Это ужасно, когда подумаешь, сколько людей в России способны так всем пренебрегать, всё запускать; перед всякими мелочами останавливаться (вроде — «давно не писал — стыдно!»). — Александров сказал мне еще, будто вы находите, «что из провинции *не о чем* писать!» — Ну, голубчик мой — это еще хуже! Исправьтесь, исправьтесь, исправьтесь!

Неужели — *только и жизнь*, что ходить из редакции в редакцию и впечатлеваться постоянно не *самой действительностью*, а передовыми статьями и фельетонами?

Послушайте — знаете, сколько я *счетом годов* прожил в столицах из 58-ми лет моих? — Сейчас сочту; — оставим раннее детство; но с 14 лет до 18 (4 года) я учился в Калуге; — от 18 до 23 (5 лет) проживал только *зимы* в Москве, студентом. — Начиная с осени 54 года до осени 57 я был в Крыму военным врачом; — потом от 58 до 60-го у барона Розена в Нижегородск<ом> имении домовым врачом³¹. — (Сам *не хотел* брать места

в Москве.³²) С 61 до конца 63 прожил (и то с перерывами) в Петербурге; а потом от 63 до 74-го — 11 лет — в Турции, большею частью по разным провинциям, на Афоне и в Царьграде... Потом с 74 до 81 — опять туда-сюда и только последние 6 лет от 81 до 87 — подряд в Москве. — Значит — всего на 58 лет — не более *11-12 полных* годов — в Москве и Петербурге! — А что я разве глупее — от этого? — *Надо* — во-1-х, в *себе* самом носить идеалы; хранить их, независимо от среды. — Во-2-х, надо делать всё возможное, чтобы *находить жизнь везде*. — Да, везде — она так или иначе интересна, — а тем более в русской провинции.

Читайте книги *с выбором*, а не зря, наблюдайте людей; сходитесь с ними; сейте в них добрые семена; не прикрывайте всем нам свойственную *лень* такими плохими словами «лже-смирения»: «Да где мне и т.д.» — Это всё глупости 40-х годов, «лишние люди», герои Достоевского, — «Гамлеты» Тургенева... Истинное смирение Христианское есть вещь *духовная*: она относится ко *грехам*, а не к способностям и к политическому влиянию. — Вот если редко в Церковь ходите, скромное по постам едите, старым друзьям без причины не пишете, — смиряйтесь: «Mea culpa! Mea culpa!»³³ — Ну, а когда дело идет о полезном влиянии на людей, — то совсем некстати в себе отчаяваться.

31 В селе Спасском у барона Дмитрия Григорьевича Розена (1815 – после 1885) и его жены Марии Федоровны Леонтьев служил домашним врачом и учил их детей.

32 Первоначально (в 1856–1857 гг.) Леонтьев, напротив, искал места в Москве. См. об этом: Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2004. Т. 6, кн. 2. С. 304.

33 Моя вина! Моя вина! (лат.).

И еще, как это у вас не будет интересного материала — когда вы в суде служите. — Да сколько, я думаю, вы видели за этот год и слышали! И не хотите писать...

Ну довольно укорять!

Посылаю Вам портрет мой (*провинциальной работы*), несравненно лучший, чем прежний московский «в облаках»³⁴, который даже прошу Вас теперь, имея лучший, *разорвать*. — Так он гадок! — О себе мог бы вам сказать много хорошего; но не стану и трудиться, пока Вы *длинным* письмом не докажете — что Вы во мне еще хоть сколько-нибудь да нуждаетесь...

Бог с Вами!
Ваш К. Леонтьев.

4

22 сент<ября> <18>89 г. Опт<ина> П<устынь>.³⁵

И за то спасибо, дорогой Н<иколай> Ал<ексеевич>, что скоро ответили. — Что ж с Вами делать, если Вы такой «унывающий россиянин»!³⁶ Вот именно Вам-то, при Вашей впечатлительности и склонности унывать, на которую вы сами так горько жалуетесь — вам-то и не годится надолго прекращать переписку с теми друзьями, которых участие может вас ободрить. — Я говорю не только про себя, но и про Фуделя и Александрова, напр<имер>. — Не прекращайте впредь сношения ни с ними, ни со мною. — Если замолчите случайно надолго (т.е. не случайно, а вследствие упадка духа), не стыдитесь (это недостойно даже вашего ума!), а понудьте себя выйти, наконец, из этого молчания. — Вот хоть бы и я; — один раз я простил Вам Ваше забвение; ну, а — 20 раз не стану набиваться молодому человеку с моими любезностями, когда он в них не нуждается и вместо того, чтобы в грустные минуты искать утешения в дружеской и откровенной беседе, бранит только себя «Гамлетом»³⁷ — и больше нечего. — Пожалуста, остав<ь>те *этот дух 40-х годов!* — 40-е эти года — хороши только со стороны — эстетических взглядов. — Всё остальное в их духе прескверно! В религии — полное отчуждение от Церкви; — в политике — либерализм; в личной жизни — ни к чему не ведущее, вечное недовольство собой, ничего общего с христианским «смирением» не имеющее... или очень мало, по крайней мере. — Истинный Христианин при наивысшем смирении (т.е. сознании и *понимании* своих грехов) — совершенно покоен; — а «Гамлеты» 40-х

годов — всё волнуются; — то слишком многого требуют от себя; — то слишком многого от жизни и людей. — Многие литераторы и наставники ваши вас, г<оспода>, сбивают тем, что хвалят 40-е года эти; но ведь их дух можно хвалить только по сравнению с 60-ми и 70-ми годами; — но идеи, вкусы, веяния и молодые люди **80-х годов несравненно лучше** людей 40-х... Несравненно! — Тогда невозможны были ни Фудели и Веригины³⁸; ни Кристи, которые учатся богословию³⁹ и молятся *для себя*; — ни Александровы, — которые не хотят жениться без благословения старца... Не падайте же духом, Голубчик! Вы живете в хорошее время... Прочно ли это движение в «новой» России — не знаю⁴⁰; — но что оно прекрасно — это верно.

Никогда еще образованные люди в России не стремились так к Церкви, как теперь! А Церковь и учение ее — это самая *суть*. — При этом и государственность, и эстетика, и мораль — всё выразится сильнее...

Смотрите — молитесь ли Вы *сами-то* для себя?

В письмах — вы что-то об этом забываете упомянуть! Я не думаю, чтобы это умалчивание происходило бы в Вас от боязни «метать бисер» вашей святости передо мною?..

Почему же другие не боятся его передо мною метать? — И даже через мое посредство нередко к старцу Отцу Амвросию за советами обращались?

Конечно — вы не по недоверию ко мне это делаете. — А просто должно быть Вы *для себя*, для своего утешения и подкрепления — мало о Боге и Церкви думаете. — Вы мне не пишете, напр<имер>, ни о том, как Вы ходите хоть каждую субботу ко всенощной и каждое воскресенье к обедне⁴¹. — Вы верно не потрудились узнать, есть ли

38 Оба они в 1889 г. стали священниками. Сергей Константинович Веригин (1868–1938) был земляком Уманова по Пензенской губернии, священствовал в собственном имении, с. Поим; впоследствии закончил Московскую духовную академию, в 1907 г. перешел в католичество, служил в Риме. К рукоположению Веригина Уманов отнесся равнодушно, а хиротония Фуделя его огорошила, поначалу он словно обиделся, что его приятель стал «отцом Иосифом».

39 Кристи в это время трудился над магистерской работой об апостоле Павле.

40 Этому движению Леонтьев посвятил статью «Добрые вести» (1890), делая, по позднейшему замечанию Фуделя, не вполне оправдавшиеся «положительные выводы»: «Ему хотелось сделать эти выводы, хотелось видеть начало возрождения России, осуществление ее религиозного призвания. И, правду говоря, живя в Оптиной, куда стекались со всей России люди с новым религиозным опытом, или только искавшие его, трудно было (особенно тогда) не впасть в ошибку и не принять частного за общее» («Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель. Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 462).

41 12 октября Уманов отвечал: «Покаюсь Вам, что в церковь хожу очень редко и не потому, чтобы стал меньше верить в Бога <...>. — Накануне каждого Праздника я уезжаю из Пензы в деревню, а церкви там нет. — Мама и сестры ездят к обедне всегда, а меня упрасивают остаться покараулить пустой дом. — Не исполнить просьбы — значит оставить без обедни кого-нибудь из них <...>».

34 Леонтьев сравнивает свой новый фотографический портрет работы В. Ф. Мейснера с фотографией 1887 г.

35 Ответ на письмо от 8 сентября 1889 г.

36 Аллюзия на название сборника рассказов Н. А. Лейкина «Унывающие россияне» (1879).

37 Письмо Уманова от 8 сентября 1889 г., на которое отвечает Леонтьев, подписано: «Всей душой преданный Вам Н. Уманов. (Он же пожалуй и Тургеневский Гамлет)» (с. 586).

вблизи от Пензы какой-нибудь монастырь и познакомиться там с каким-нибудь почтенным духовником... Обо всем подобном — и помину нет в Ваших письмах...

Хорошо уважать и восхищаться Фуделем⁴²; но надо хоть немножко и *подражать* ему... Дело прежде всего дело не в том, чтобы писать статьи в защиту Православия; а в том, чтобы *самому и для себя — верить* и иметь «страх Божий»... Одна середка, в которую человек с отвращением и даже с досадой от непривычки поест постное; одна всенощная, которую он с любовью отстоит; одна домашняя молитва: «Господи — подкрепи меня; утешь меня; — прости мне!» — стоят десяти статей — для других...

— Бог и я, как говорят монахи: а потом польза других; — она при вере и молитве сама собою выйдет.

Фудель и даже Веригин гораздо для меня дороже всех сентиментальностей Достоевского, которому за них платили деньгами и славой!

Пожалуйста, пожалуйста — будьте для себя Православным и поверьте, что и Пенза будет больше Вам нравиться, когда вы в себе найдете больше внутренней жизни.

Я, впрочем, простите, *не верю*, что в Пензе всё так дурно. — Это не Пенза виновата, а *время такое* для Вас. — Такое настроение. — Такое «преломление лучей» в вашей «призме»⁴³. — В 64 году — я в первый раз приехал в Константинополь; — прожил в нем 4 месяца⁴⁴ и *всё мне* в нем не нравилось. — Даже красота места, — которую я *не мог* не видеть — оставляла меня равнодушным. — А в 67 году и потом в 73 и 74⁴⁵ — я до того восхитился и видом его, и климатом, и *жизнью* его, что только необходимость заставила меня оттуда уехать! И теперь — с удовольствием вспоминаю. — Эти — перемены бывают со многими. — Не Пенза плоха; обстоятельства не радостны; встречи и круг знакомых не особенно удачны; — собственное — настроение тяжело...

42 8 сентября Уманов писал: «...я получил письмо от Фуделя. <...> Первое впечатление <...> был страх за него. Потом я начал смиряться с мыслью, что он пошел в Священники, а теперь преклоняюсь перед твердостью воли и искренностью. — С первой встречи я полюбил его, теперь же он стал мне еще дороже, но вместе с тем почувствовал всю разницу между собою и им. <...> в письмах к Вам я говорил о нем с восторгом, радуюсь теперь, что не ошибся» (ГЛМ).

43 Ср. с названием цикла статей Леонтьева «Сквозь нашу призму» (1880).

44 Леонтьев был вызван в Константинополь после того, как он ударил хлыстом по лицу Дерше, французского консула на Крите, за наглый отзыв того о России.

45 В 1867 г. Леонтьев приезжал на Босфор в отпуск, в 1873–1874 гг. жил здесь по выходе в отставку.

Молитесь: — Господи — облегчи мое сердце! — И сердце ваше — откроется для жизни и радости и в этой самой Пензе... И барышни будут лучше⁴⁶; и книги хорошие отыщете... (Пенза издавна славилась хорошим обществом и образованностью.) Вот я *что* — вам говорю; — а Вы как хотите.

В заключение, скажу вам то, с чего бы можно было начать; но я предпочел побереечь это «на закуску».

Здесь гостит и молится «превоприсутствующий» Сенатор Петр Иванович Соломон⁴⁷; — человек серьезный, набожный, надежный и сильный в Вашем Ведомстве. — По получении вашего письма я пошел к нему и стал просить его *совета*... Только совета — что с вами делать? Как вас утешить? — А он сказал: — «Что ж совет!.. Надо *сделать* что-нибудь для молодого человека, если он дельный и хорошего духа (Я говорил ему «о духе»). — Обещать наверное ничего не надо; но дайте мне о нем *записку*; — я не забуду и постараюсь поскорее улучшить его положение. — Нам нужны люди новые и хорошего направления».

Вот я что сделал. — «Чем богат, тем и рад».

Любить-то я вас люблю; — но хвалить — ... Соломону хвалил — а в глаза вам самим — не могу сделать этого так, *как желал бы*, если бы Вы ободрились и стали бы опять тем молодцом, каким я знал вас в Москве... Помози Господи!

Ваш К. Леонтьев.

Подготовка текста и комментарии
О. Л. Фетисенко.

46 Ответ на слова: «Ухаживать за барышнями тоже охоты нет. Все они до такой степени изломаны и пусты, так бесстыдно ловят женихов, что противно подойти к ним» (ГЛМ).

47 П. И. Соломон (1819–1905) — государственный деятель, духовный сын старцев Макария и Амвросия Оптинских, отец приятеля Вл. Соловьева Александра Саломона (1853–1908).